

ЛАРИСА ЕВДОКУНИНА. РОЗОВЫЕ СЕРДОЛИКИ: Сказки для взрослых

*Моим Учителям — Александру Михайловичу Неверову и
Леониду Владимировичу Вайсеру.*

*"Вот и нужно, чтобы нам, людям, думать побольше о том,
чего не видно. О воздухе, о воде, о любви и о смерти. Тогда и
жить будем радостно и благодарно."*

Юз Алешковский. Николай Николаевич

СКАЗКА О СОПЛЕ

Это было в один из тех светлых дней в самом начале сентября, когда желтые листья грустно опускаются на землю и тихо ложатся на ярко освещенную солнцем тропинку липовой аллеи.

Прошел по аллее мужичок, прошел и — высморкался. Большая зеленая сопля с размаху шлепнулась на золотой лист и начала свою жизнь на воле.

Солнечный луч — маг и чародей — осветил вновь прибывшую. Мутно-зеленая серединка её осветилась и заиграла нежнейшими оттенками предрассветного моря, а развесистая бахрома превратилась в пенное кружево цвета радуги с золотым кантом по краям. Сопля ужасно возгордилась:

— Ах, как хорош этот мир! — сказала она синему небу, — но лучше всех в этом мире я! Я похожа на драгоценную брошь, оброненную королевой, гулявшей в парке...

И, мечтая так, она еще больше растеклась по листу, подставив себя солнцу и стараясь произвести впечатление.

Шел по аллее мальчик лет пяти, а позади его шла мама. Мальчик увидел чудо солнечного луча:

— Мама, мама! Принцесса Фей потеряла здесь свою кружевную накидку! А я её нашел!

И, не дожидаясь мамы, он схватил то, что лежало на листе. Сопля обвисла в розовой детской ручке. Волшебство кончилось.

— Господи, какую гадость ты схватил, — подбежала мама. Она вытащила из кармана чистую бумажную салфетку и брезгливо, но крайне тщательно освободила родные пальчики от липкой мерзавки. Затем она с отвращением скомкала салфетку и запустила её в кусты. Сопля поникла и впиталась в салфетку.

— Теперь идем домой мыть руки.

И мама, обернув чистым носовым платком маленькую теплую руку сына, крепко взяла её в свою..

— Никуда я тебя от себя сегодня больше не отпущу. Мальчик не двинулся с места.

— Мама! Значит Принцесса фей не теряла свою кружевную накидку и — тут он задохнулся и две большие чистые слезы наполнили детские глаза, — и её на самом деле не существует?! Мама была мудрой и доброй и очень любила сына:

— Что ты, родной, на свете есть много Фей, и некоторые из них — Принцессы. Они очень занятые особы: день и ночь упорно трудятся они над своим волшебством и никогда не теряют своих кружевных накидок. Им это не положено по должности.

Плакать больше не было причин.

— Мама, а сегодня мы будем есть мороженое?

— Ну, конечно, милый, но только дома. И они пошли по осенней аллее, держась за руки, два родных человека, и солнце освещало их снаружи, а любовь — изнутри. Малыш успокоился и глаза его улыбались маме. Слезы, не выдержав улыбку глаз, скатились наружу. Одна слеза упала на гуталин ботинка и погасла. А другая, оттолкнувшись от румяной щеки малыша, бусинкой прыгнула на золотой лист, и солнечный луч — маг и чародей — тотчас начал творить в ней свой удивительный сияющий мир. Ведь солнце светит всем.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ПЬЯНОМ ХУДОЖНИКЕ

В некотором царстве в некотором государстве жил-был старик и было у него три сына. Старший сын был богачам, ездил на "мерсе" последней модели и посещал клуб "Ап энд даун". Средний сын превзошел всю медицинскую науку и заведовал самой главной лечебницей государства. А младший сын-художник — был, как водится во всякой приличной сказке, недотепа, пьяница и неудачник. Дан ему был от природы дивный дар: все, что он рисовал, получалось ну точь-в-точь как живое, до того похоже. А с таким даром, да без хитрости — какая ж удача?! Кому ж это охота вместо гордого лба и орлиного взора видеть на портрете свою старую и без того осточертевшую в зеркале рожу? Словом, был он художником гениальным и потому никому в этой стране ненужным, перебивался случайными заработками и от огорчения пил водку. Отец и старшие братья давно махнули на него рукой.

Вот собирает раз отец всех братьев и говорит им:

— Стар я стал, сыны мои, силы мои на исходе, а еще так пожить хочется! Слышал я, что есть на свете молодильные яблоки, от которых и силы и юность возвращаются. Вот бы и мне откусать такого яблочка!

А уж я бы не поскупился, день и ночь бы за вас Бога молил и счастье у него для вас выпросил!

— Какие проблемы, сделаем! — отвечивал старший сын.

— Я при своих капиталах что угодно сыщу, если только оно вообще в природе есть!

И тут же он по сотовому телефону распоряжение отдал: так мол и так, достать молодильных яблок — и побольше!!! Полетели, поплыли, поехали по всему свету его гонцы за молодильными яблоками. Каких только яблок ни привезли, завалили старика-отца плодами, но не было среди них молодильных. Старший сын очень расстроился — неделю клуб не посещал, а потом и говорит отцу:

— Уж если я не достал, значит нет этих яблок на свете!

Тут вмешался средний брат:

— Раз молодильных яблок в природе нет и все это — бабьи сказки, то не лучше ли будет, дорогой папаша, вам подлечиться у нас в клинике? У нас там чего только нет: и аппаратура, и акупунктура, и всякая процедура, и дренаж, и массаж, и геронтология и диетотерапия. А уж я, как я есть над всем этим главный начальник, лично за всем прослежу!

— Чет, — говорит отец, — твоя наука меня подлечит, но от старости не избавит. А мне охота вновь силу молодую в теле ощутить, года свои напрочь сбросить, будто бы их и не было.

— Зря вы это, папаша, — только и сказал средний сын, повернулся и уехал клиникой своей руководить.

А младший сын очень расстроился. Он хоть и был непутевый, но любил и братьев и отца. И очень ему больно и обидно стало, что отец уже стар и скоро умрет, и что такие влиятельные люди, как его братья, ничем отцу помочь не могут. Купил он на последние деньги бутылку водки, пошел к себе в коммуналку, напьюсь, думает, с горя, авось легче станет.

Выпил он первый стакан, как воду, налил второй, глядь — из стакана вылез черт, уселся на край тарелки с засохшей макарониной, которая от позавчерашнего ужина осталась, копыто за копыто задвинул, хвостом обмахнулся и говорит художнику:

— Чу, что, хрен моржовый, допился до меня?!

— Допился, — отвечает художник, — твоя правда.

— Чу уж коли ты меня вызвал, так слушай, что скажу, — говорит черт, — два раза повторять не стану! Молодильные яблоки, те, что твоему отцу нужны, искать надо внутри души твоей бессмертной, а не в садах земных. Сможешь нарисовать те яблоки, как живые, вдохнуть в них силу души своей, — вот и станут они молодильными. Только если сделаешь это, весь твой талант и вся сила в холст уйдут, оживет картина, а ты — умрешь!

С этими словами скривился черт в ухмылке, пукнул художнику в нос серой и растаял. Художник даже и перекреститься не успел..

— Ну, — думает художник, — непутевым я был всю свою жизнь, на сумел, капиталов нажить и карьеру сделать, не порадовал отца на старости лет успехами жизни своей, так хоть смертью своею пользу ему принесу — все не напрасно будет!

Глядит он на стол, а на столе бутылка водки вроде и не початая .

— Чудеса, — думает художник, — или уж я от пьянства совсем разум потерял, и мерещиться мне стало, или тут дело нечисто... Потянулся было к бутылке, да вспомнил, что черт говорил.

— Выпить, — думает, — я ее и перед смертью успею, чтоб не так страшно было. А сейчас — за работу!

Натянул холст, приготовил краски и кисти, музыку свою любимую включил и стал писать. Семь дней писал и вышла у него картина красоты невиданной, будто бы стол с бархатной скатертью и кресло рядом таким же бархатом обтянуто, а на столе стоит ваза необыкновенной красоты , а в вазе — они — молодильные яблоки. И только он последний мазок на картину нанес, как засветилась картина чудным светом и все на ней, и яблоки тоже, стали как живые. Взглянул художник на плоды трудов своих — и умер.

В ту пору старик-отец шибко на него обиделся: старшие-то братья старались отцу помочь, а младший-то поганец и палец о палец для отца не ударил. Да к тому же еще и пропал:, ни слуху о нем, ни духу. Вот и поехал отец со старшими сыновьями младшему в глаза посмотреть. Только в комнату вошли, видят — стол, на столе непочатая бутылка водки стоит, рядом на подрамнике -картина красоты невиданной и все на ней, как живое, а под картиной на полу лежит мертвый художник. Только глянул отец на картину сына, засветилась она вся , заструился дивный аромат волшебных плодов, заиграл в них сок невиданных сил. Протянул отец руку к картине — ожила картина. Взял он с вазы яблоко, съел и помолодел.. И понял он тогда, чем заплатил его непутевый сын за здоровье и молодость отца. И заплакал он горько и похоронил сына по христианскому обычаю, и братьям наказал его в святцах поминать, картину же перевез к себе, сам откушивал яблочек молодильных и с другими делился, не жалел. Яблок же с картины все не убавлялось...

Тут бы и сказке конец, да молва о молодильных яблоках покати-лась и дошла, как водится до Самого Главного. Вот однажды приходит в дом к отцу Начальник Порядка со своими молодцами и говорит ему:

— А скажи, не утай, есть ли у тебя картина с молодильными яблоками, которые прямо с холста кушать можно, и силы те яблоки дают, и здоровье, и молодость?

— Есть, — отвечает отец.

— Да как же ты, такой сякой, до сих пор её в казну не представил, когда наш Самый Главный уже в интересном возрасте и очень в ней

нуждается! — закричал на отца Начальник Порядка. — Ты тут волшебство на всяких разных разбазариваешь! Государственное, можно сказать, добро и достояние!!!

— Это добро не государственное, это картина моего сына, — отвечал отец, — а волшебства тут никакого нет, кроме любящей души его, да загубленного таланта. А частная собственность у нас, чтоб ты знал, охраняется законом!

— А вот я тебе покажу — закон! — кричит Начальник Порядка, — отобрать у него картину и доставить в казну! Немедленно!!! — И ногами затопал.

А отец ничего не ответил, только ближе к картине придвинулся. И как только молодцы к картине руки протянули, засветилась картина, ожила и зазвенел тревожно воздух вокруг. Отец шагнул к картине и вошел в нее. Смотрит Начальник Порядка — картина как картина, только за столом в кресле бархатном сидит отец и глядит на него из картины, как живой. А перед ним на столе ваза красоты невиданной, а в вазе — они — молодильные яблоки. Ну, делать нечего, а ответ держать придется, забрали картину такой, какой она стажа — вместе с отцом. Представили её пред очи Самого Главного.

— Что Вы мне принесли, такие разэдакие, — гневается Самый Главный, — яблоки-то не укусишь! Это же просто картина, самая обыкновенная, да еще, понимаешь, и с мужиком каким-то посторонним!

— Я не посторонний, — отвечает голос с картины, — я теперь хранитель молодильных яблок.. И не за то мой сын жизнь свою отдал, чтобы ты у жаждущих и страждущих последив надежду отбирал! А начесть яблок, тут уж не сомневайся — их тебе не пробовать!

Разгневался Самый Главный. Сначала хотел даже картину уничтожить. Да только вот они — молодильные яблочки-то — на картине — и жалко ему стало без последней надежды себя оставлять. Вот и приказал он, чтоб заперли ту картину за сорок дверей на сорок замков в самый тайный подвал государства. Говорят, и сейчас она там. И раз в году, аккурат в день смерти художника, появляется на ней непочатая бутылка водки на столе и начинает картина светиться и яблоки источают свой дивный аромат и сок в них бродит от сил невиданных. И бежит, и спешит тогда Самый Главный, отпирает сорок замков, открывает сорок дверей, и подбегает к картине, и протягивает руку за яблоком, и вот уже готов схватить его, да только отец — тресь его по руке — и пальцем грозит. А из бутылки черт ухмыляемся и рожи строит. А еще говорят, что когда родится такой человек, который не только себе, но и другим людям захочет здоровья и сил прибавить, и пройдет тот человек сквозь сорок дверей, и откроет сорок замков, и найдет в самом тайном подвале государства чудесную картину — вот тогда отдаст ему хранитель молодильные яблоки, и не будет в этом государстве больных и старых, а все

будут жить долго и счастливо. Да мало ли что говорят! С бабьих сказок— какой спрос!

СКАЗКА О ПИРОЖКЕ

Пирожок умел видеть слова. Он лежал на самом верху, на лотке, вместе с другими пирожками, в кафетерии булочной и наблюдал. За прилавком работала Мегера. Она была старая, тощая и злая. Как только по ту сторону прилавка появлялся покупатель, Мегера открывала рот и из него начинали вылетать отвратительные шмокодявки и какать на всё вокруг вонючим черно-коричневым гноем. Гной этот был настолько ядовит, что моментально проникал в мозг и сердце покупателя. С покупкой, или без, но покупатель уходил отравленный. А противные шмокодявки устремлялись вслед за ним и еще долго не давали ему покоя.

В кафетерий вошла женщина с маленькой девочкой на руках.

— Дайте, пожалуйста, пирожок, — сказала женщина, и Пирожок увидел, как два больших розовых бутона слетели с её губ и плавно опустились на прилавок. В ответ Мегера разродилась целой армией шмокодявок:

— Пирожки только с кофе! Только с кофе!! Понятно! Хочешь пирожок — бери и кофе!

— Мне не надо кофе, мне нужен пирожок для дочки, — ответила женщина и вдруг улыбнулась, и Пирожок увидел, что женщина с девочкой стоят внутри радужного пузыря, и ни одна шмокодявка не может проникнуть сквозь него. Шмокодявки ударялись о радугу и отскакивали от нее, обливая ядом Мегеру. Мегера закричала так, что на крик её выскочила заведующая. Узнав, в чем дело, она только и могла сказать:

— Извините, с ней это бывает. Она старая, дорабатывает свое, кто её еще возьмет на работу!... — и протянула женщине Пирожок. Женщина поблагодарила и отдала Пирожок девочке.

Они направились к выходу, и Пирожок услышал, как заведующая выговаривает Мегере:

— Опять ты за свое! Без скандала не можешь, ну что ты так орала?

Визг Мегеры перекрыл голос заведующей:

— Она же издевалась надо мной! Издевалась!!!

— Да почему же? — удивилась заведующая, — она ведь молчала, пока ты орала. Слова худого тебе не сказала.

— Лучше бы сказала! Она же все время улыбалась мне! УЛЫБАЛАСЬ!!! Понимаешь?!

Пирожок видел, как слезы гнева и обиды брызнули из глаз Мегеры и целая армада шмокодявок полетела в заведующую.

Заведующая хотела уже было раскричаться, но вдруг, неожиданно для себя самой, тоже улыбнулась. Вокруг нее тут же зажегся радужный пузырь и ни одна капля яда не попала на нее. Мегера долго еще что-то кричала, захлебываясь от собственного яда, потом побагровела и побежала в подсобку приходить в чувство. А Пирожок был счастлив, свеж и мягок в теплой детской ручке и улыбка женщины защищала его от всех Мегер на свете.

РОЗОВЫЕ СЕРДОЛИКИ

Она была молода и свободна, как ветер. И в Теплой Стране У Самого Синего Моря не было в ту весну женщины, прекраснее её.

Повелитель Молодых Теплой Страны, потомок древнего княжеского рода, был силен и молод и рукам его одинаково были подвластны и ружье, и перо, и руль его быстроходной колесницы. Он был красив, как Апполон, говорил, как Цицерон, сиял здоровьем, как Геракл, и магия его взгляда влюбляла в него всё вокруг.

Они встретилась и полюбили друг друга в первый же миг. Любовь, вспыхнув в их глазах, проникла в мозг и души и превратила их тела в два пылающих Факела. Он бросил к её ногам свой Теплый Город, весь в белых камелиях, источавших по ночам ароматы тайны и мечты.. Они повсюду теперь были вместе, и Фонтаны пели по ночам только для них, и море тихо шептало им о заветном. Он привез её к Чистому Источнику и пил из её ладоней воду, и не мог напиться, глядел в её глаза и не мог наглядеться. Там совершили они Лунный Обряд и отдали друг другу сердца. Они жили друг для друга и умирали от восторга в объятиях друг друга. Он предложил ей руку и сердце, и не было в ту весну пары, счастливее их.

На окраине города в маленьком домике у моря жил Колдун. Однажды Колдун заговорил с ней и вот что он поведал: когда Повелитель Молодых был еще маленьким и ему едва исполнилось шесть лет, в Большом Селении Под Звездами, в горах, в старинной княжеской семье родилась девочка. Их отцы, давно мечтавшие породниться, дали друг другу клятву в том, что когда дети достигнут совершеннолетия, то поженятся и соединят два богатых и знатных рода. Отцы торжественно клялись перед родственниками и друзьями, призвав в свидетели Небо и землю и скрепив клятву вином, что только смерть может помешать выполнению данного слова, и нарекли своих детей женихом и невестой. Прошло время, дети выросли и вот теперь Повелитель Молодых должен выполнить волю отца. Если же он не сдержит отцовского обещания, то опозорит свой род и будет убит. Так велит Закон.

— Я могу помочь тебе, — сказал Колдун, — я сделаю так, что его невеста умрет и он освободится от отцовского слова. Но ты должна

заплатить мне: ты так молода и прекрасна и моя пена — это ночь любви с тобой!

Она ничего не ответила, только усмехнулись Колдуну в лицо и пошла прочь.

— Я буду ждать три года! — прокричал ей вслед Колдун. В тот же день она уехала к себе домой в Страну Белой Зимы. Он примчался к ней, бросив все дела, и она рассказала ему о разговоре с Колдуном. Ничего не сказала она только о том, какую помощь предложил ей Колдун и какую плату он за это запросил.

— Я сделал свой выбор, — воскликнул Повелитель Молодых, — я буду с тобой всегда, чего бы мне это не стоило. Я так решил и так будет!

— Нет, милый, здесь решаю я, — ответила она, — и до тех пор пока ты свободен, я буду с тобой и буду твоей душой и телом, и не будет на свете женщины, счастливее меня.. Но, как только ты исполнишь волю отца, мы пойдем разными путями и никогда больше не увидимся — слишком больно будет мне видеть тебя рядом с другой.

Он убеждал, настаивал, кричал, умолял — все было бесполезно. Она решила по-своему. И снова умирали они от счастья в объятиях— друг друга, и снова они были вместе, но горечь неизбежного и неотвратимого омрачала теперь их любовь..

— Твое имя означает "чайка" — шептал он ей в любовном бреду, — как смогу я забыть тебя, если каждая чайка над морем будет кричать мне о тебе! Высоко в горах я посажу ореховую рощу и назову её твоим именем. Я буду приезжать туда плакать...

— Как я смогу забыть тебя, — вторила она ему, — когда имя самоцвета в кольце, подаренном тобой, так созвучно с твоим именем. Он столь же тверд и прекрасен, как и ты. И свет от него подобен свету звезд. Кольца можно лишиться, но разве звезды на небе дадут мне забыть тебя!

Он уезжал, но при первой же возможности возвращался к ней Вновь и вновь. Или она, изнывая от тоски и нежности, бросала все и летела к нему. Так продолжалось три года, а потом он женился .

Она приехала в Теплую Страну У Самого Синего Моря, чтобы проститься со своей любовью навсегда, и не было в ту осень женщины печальнее её.

Она сидела У Моря и слушала его голос. Горе душило её, не давая ни жить, ни дышать.. Море звало своей прохладой, суля облегчение. Она вошла в воду и поплыла. Она плавала хорошо и заплыла далеко. И тут она почувствовала, что не в силах больше терпеть эту великанскую боль сердца и сопротивляться судьбе..

— Море, ты штормишь и требуешь жертв! Возьми меня и избавь от страданий! Я успокоюсь, а ты насытишься и одним штормом будет меньше!

Она легла на воду, закрыла глаза и отдала себя на волю волн. Но Море не приняло жертву. Большая упругая волна подхватила её, плавно покачивая, понесла к берегу и, распластавшись кружевной пеной у полосы прибоя, вынесла её, уже почти бесчувственную, на берег, а потом отхлынула, перекатывая прибрежную гальку,

Солнце согрела её, и она очнулась. Она лежала на боку на песке и первое, что она увидела, были розовые и оранжевые капли света почти рядом с её щекой. Она приподнялась и села: горсть сердоликовых галек, еще влажных, будто нарочно выброшенных для нее Морем, весело сияла на песке. Она почувствовала вдруг, что в правой руке, сжатой в кулак, что-то есть. Она разжала пальцы: — нежное сияние осветило её лицо: на ладони густо-розовой каплей света лежал крупный, гладко отшлифованный Морем сердолик, формой похожий на сердце.

Она вытянула ноги, подставив ступни набегающим пенным барашкам волн, и стала бездумно смотреть вдаль, постепенно оживая. Среди сплошного сверкающего аквамаринового мира яркой бирюзой выделялась одна полоска в Море почти у самого горизонта.

— Бирюза — это кости людей, умерших от любви, — вдруг вспомнилось ей, и слезы заструились у нее из глаз. Горячая волна жизни, подкатив к горлу, сдавила его в рыдании. Ей хотелось кричать и своим криком рушить горы и вызывать ураганы. Она рывком вскочила на ноги и тут только поняла, как же она ослабла от горя.

— Но если любящее умирают от любви и кости их превращаются в бирюзу, то что же, что же остается от их, огромных, пылающих, истекающих кровью сердец? — из последних сил прокричала она морю.

— Розовые сердолики, — прошептало Море, прижавшись к её ногам.